

КОГДА сравнивают писателей современников, то сопоставление успешно при выборе дарований схожих, однозвучных, если можно так выразиться. Это могут быть люди разных поколений, воззрений, таланта, но важно то, что их объединяет, что писателей друг в друге привлекало.

Таковыми однозвучными талантами обладали Иван Сергеевич Тургенев и Всеволод Михайлович Гаршин. История знакомства этих очень разных прозаиков изучена достаточно, письма Тургенева к молодому писателю замечательны по великодушию, пронзительности, искренней симпатии; это именно советы, благословение уходящего великого романиста даровитому преемнику: «Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников; Вы из их числа».

Лучшей оценкой Гаршина навсегда останутся пророческие слова Тургенева: «Из всех наших молодых писателей Вы тот, который возбуждает большие надежды. У Вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и краснота формы — и, как результат всего, оригинальность. Я даже не вижу, какой бы совет Вам преподать; могу только выразить желание, чтобы жизнь Вам не помешала, а, напротив, дала бы Вамшему созерцанию ширину, разнообразие — и спокойствие, без которого никакое творчество немислимо». И когда в присутствии Тургенева зашел разговор о Гаршине, он дал молодому писателю примечательную оценку: «У него слог вполне мастерский; а нервность — это пустяки, пройдет... Если он будет здоров, из него выйдет большой, очень большой человек. У него есть главное — он поэт».

Вот главное, что привлекло Тургенева в личности и творчестве Гаршина, — поэтичность, лиризм, трогательный в своей беззащитности, какой-то страдальческий романтизм воззрения на жизнь. Ведь Тургенев был писателем по преимуществу лирическим даже в своих романах. Конечно же, он видел, что молодой прозаик тоже романтик, учится у него мастерству поэтических описаний мятущейся, уставшей души человека и картин природы. Это отменила и критика.

Примечательно, что Тургеневу особенно близок поздний Тургенев, автор печальных «Стихотворений в прозе» и таких повестей, как «Стук... Стук... Стук», «Сон», «После смерти», с их трагической элегичностью, тонкой музыкальной оркестровкой, таинственностью и обаятельным лирическим пессимизмом. Их болезненный, угасающий реализм начинал соединять красочный импрессионизм с натуральностью, научной точностью описаний и тем самым приближался к школе французского натурализма. Интересно, что автор «Нови» сравнивал Гаршина с Мопассаном, а Гаршин с своею очередь интересовался творчеством друга Тургенева Флобера и даже собирался переводить его «Искушение св. Антония».

Этим отчасти объясняется то обстоятельство, что Гаршин, будучи близок к писателям народнического толка, принял и высоко оценил тургеневский роман «Новь». Тургенева демократические друзья Гаршина раздражали своей самоуверенностью и принципами

альным неуважением к высокой дворянской культуре: «Никогда еще в литературе нашу не вторгалось столько разночинцев, я хочу сказать — разночинцев по складу ума, по духу. Потому и не появляется в ней ничего крупного, особенно заметного». Гаршин был другим, потому Тургенев его заметил, выделил его «несомненный оригинальный талант», занимающий «первое место между начинающими молодыми писателями».

Конечно, интерес Тургенева к Гаршину — не просто понятное желание маститого писателя обрести наследника. Автор «Отцов и детей» и в далеком Париже просматривал русские журналы, газеты и сборники, искал там не преемника, но новую литературу, достойную смену Толстому, Достоевскому, Гончарову, то есть литературе классического русского реализма. Благожелательный интерес к Гаршину — часть этих поисков.

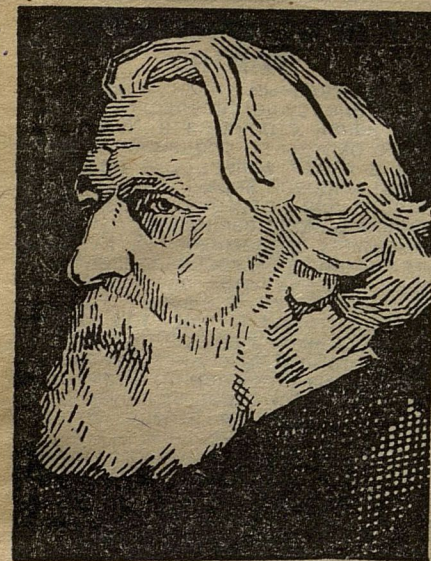
Понятна и тревога Тургенева, видевшего болезненность, хрупкость гаршинского дарования. Их общий знакомый, мемуарист Е. Н. Опочинин говорил о молодом писателе: «Ведь человек этот всегда страдал. Даже и творческая работа его была для него мучительна. Тургенев сам был не чужд теме страдания, но незащищенность поэтической души Гаршина его тревожила. Он видел существенную сложность, непосильную противоречивость этого «человеческого таланта» (Чехов). В Гаршине крылись многие ростки будущей литературы. От народнических романтических иллюзий он уходил к Толстому: достаточно вспомнить понравившуюся Толстому повесть «Детство и офицер», такие «толстовские» произведения, как «То, чего не было», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Сказание о гордом Аггее».

Но «толстовским» началом творчества Гаршина не ограничилось; у него появляются «чеховские» рассказы «Встреча» и «Красный цветок», есть у писателя произведения, предвосхищающие «Молох» и «Поединок» А. Куприна и даже драматургию Леонида Андреева и Александра Блока. Сам Гаршин ощущал свою близость к литера-

лит. Россия. — 1993. —

150 км. (N 37) — С. 11.

ЭТОСЧАСТЛИВЫЙ ПРЕЕМНИК

(Париж, 1966). Документ этот даже не упомянут в полезном сборнике мемуаров «Современники о В. М. Гаршине», выпущенном в 1977 году Саратовским университетом. А между тем в письме приведено важное суждение: «Тургенев стал говорить о молодых русских писателях, с большим сочувствием отзывался о Гаршине, которого сравнивал с Мопассаном». И тут же им названо совсем другое имя, незнакомое имя реального преемника: «Обратите ваше внимание на молодого писателя... фамилия его Чехов. Это настоящий талант».

Да, в молодом Чехове, как и в Гаршине, жили «чуждая душа» и лиризм мировосприятия, но не было внутреннего надлома, раздвоенности, непрерывного страдания, которые истощили и ограничили замечательный талант Гаршина и в конце концов привели его к самоубийству. Понимал это не только Тургенев, но и сам Гаршин, который, прочитав чеховскую «Степь», грустно заметил: «Наша, романтиков, песенка спета, и все спасение в реализме».

Романтик и лирик Гаршин не вынес сурового реализма русской жизни, не оправдал надежд Тургенева; его хрупкое, болезненное дарование замолкло на полуслове. Чеховский же зрячий реализм сложился, устоял и победил, поверив и ограничив лиризм спокойной беспощадной иронией и показав всю болезненность и ослепленность романтических интеллигентских метаний «конца века», сразу же ставших общим местом декадентских воплей о трагизме бытия. Но для этой трудной победы необходим был именно Гаршин, его противоречивое творчество и личная трагедия. Это сразу понял Чехов, с пониманием, глубокой симпатией и сожалением изображавший гаршинский уязвимый идеализм в рассказе «Припадок» и повести «Черный монах». Об этом же говорил в письмах и отзывах о своем ученике и несостоявшемся преемнике Гаршине Иван Сергеевич Тургенев.